

214

33.4.0.

9/44
1317

Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика.

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“

405

Э. Вандервельде.
Э. Вандервельде.

13.17.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО.

АРХИВ

1948 г.

цѣна 20 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета
Совѣтовъ Р., С., Кр. и Казач. Депутатовъ.

МОСКВА.—1918.

Июн. 1930 - 3 / 248730
инв. 47809

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, на другой день послѣ выборовъ, въ первый разъ проведенныхъ въ белыйскій парламентъ депутатовъ-соціалистовъ, на митингъ въ Марсенелль (Шарлеруа) я былъ вынужденъ прервать оратора-католика, страшно нападавшаго на революціонеровъ 1871 года, крикнувъ: «Да здравствуетъ Коммуна!».

Этотъ возгласъ произвелъ скандалъ, и спустя нѣкоторое время мои товарищи изъ Шарлеруа просили меня прочесть въ томъ же самомъ помѣщеніи рефератъ на тему: «революція 18-го марта».

И принявъ это приглашеніе и прочесть слѣдующее:

«Спросите буржуа, что такое Парижская Коммуна, и онъ съ негодованіемъ будетъ говорить о пожарахъ или избіеніи заложниковъ».

Но заговорите о Коммунѣ съ рабочимъ-соціалистомъ, и онъ вамъ скажетъ, что Коммуна—это первое побѣдоносное возрожденіе пролетаріата, за которымъ, къ сожалѣнію, тогдашнее послѣдовало жестокая репрессія.

Если Коммуна вызвала чувство негодованія у буржуа, зато въ рядахъ пролетаріата она возбудила сначала надежду, а послѣ ея подавленія крикъ мести.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, во время пребыванія въ Парижѣ, я посетилъ кладбище Пьеръ-Ла-Шезъ, гдѣ лежатъ послѣдніе сорцы Коммуны и гдѣ они были погребены. Въ настоящее время стѣна, у подножія которой были разстрѣляны коммунары и гдѣ сдѣлана надпись: «Да здравствуетъ Коммуна! Отчистишь за нихъ!», является кровавымъ воспоминаніемъ ужасныхъ дней. Этотъ памятникъ, воздвигнутый героямъ Коммуны, не является ли доказательствомъ того, что нельзя уничтожить социализмъ, разстрѣлявъ его защитниковъ?

Федералисты 1871 года возродились въ своихъ сыновьяхъ, и въ то время, какъ я говорю съ вами, я вспоминаю величавую и мрачную картину «Шамбаръ»,—произведеніе неизвѣстнаго великаго художника,—на которой изображены федералисты, возставшіе изъ общей могилы, столпившіеся у стѣны кладбища и размахивающие въ сторону Парижа огромнымъ знаменемъ цвѣта пролившей крови.

И вспоминая ихъ кратковременную побѣду, я думаю, что въ исторіи Коммуны будутъ забыты слабости и остатки вожаковъ и отсутствіе организации въ массѣ, и это движеніе будетъ рассматри-

ваться, как первая пролетарская революция, которая имела успех в течение нескольких недель.

Воспоминание о том счастливом времени, когда пролетариат в первый раз увидал красное знамя, развѣвающееся надъ Парижемъ, сохранится навѣки, и, несмотря на печальныя событія, связанныя съ нимъ, 18-е марта должно всегда праздноваться и приветствоваться восклицаніемъ: «Да здравствуетъ Коммуна!»

То, что я скажу здѣсь, не является апологіей Коммуны, я не хочу изображать ее невѣрными красками. Я покажу ее такою, какою она была на самомъ дѣлѣ, не скрывая ея недостатковъ; и насколько позволяютъ мои чувства, я ограничусь хладнокровнымъ изложеніемъ фактовъ.

Парижъ послѣ осады.

Въ началѣ марта 1871 года Парижъ испыталъ ужасы осады; онъ находился подъ давленіемъ перенесенныхъ поражений и подозрѣваемыхъ измѣнъ. Собраніе депутатовъ въ Версалѣ обнаружало стремленія, диаметрально противоположныя требованіямъ парижскаго населенія. Это было, какъ говорилъ Кремье, владычество крестьянъ, которые травили Гюго и оскорбляли Гарибальди.

На одной сторонѣ находился республиканскій Парижъ, на другой монархическая Франція. Въ рукахъ жителей Парижа находились ружья и пушки для защиты республики; въ рукахъ Версаля—оружіе для ея подавленія. Замѣьте также, что болѣе 100.000 буржуа покинули городъ послѣ осады; въ Парижѣ оставались только рабочіе и мелкая буржуазія. Предъ ихъ глазами стояли призраки голода, неизбежное разореніе и безжалостные кредиторы.

При такихъ условіяхъ національное собраніе объявило, что нужно платитъ въ срокъ за квартиры и по взысканіямъ, а также и всѣ подожжы. Съ 13-го по 16-е марта въ Парижѣ было заявлено 150.000 протестовъ.

Такимъ образомъ, два класса столкнулись другъ съ другомъ; какъ бы подъ вліяніемъ волшебнаго жезла была произведена капиталистическая концентрація: на одной сторонѣ стояли консервативные капиталисты, на другой—мелкая буржуазія, разоренная, обворованная, страдающая отъ голода наравнѣ съ пролетариатомъ.

Заговоръ реакціонеровъ.

Итакъ, въ то время, когда въ Версалѣ замыслился пагубный монархическій заговоръ, когда толпа республиканцевъ на площади Бастилии клялась защищать республику, національное собраніе рѣшило разоружить населеніе Парижа, захвативъ оружіе и пушки національной гвардіи, уничтоживъ солдатское жалованіе, которое давало возможность тысячамъ гражданъ не умереть съ голоду.

Такимъ образомъ, у нихъ сразу отнимали и нѣсколько сѣ, которые давали возможность кормиться семьямъ, и оружіе, которое должно было служить для защиты республиканскихъ учрежденій.

18-е марта.

18-го марта Тьеръ послалъ нѣсколько полковъ для обезоруженія «федералистовъ» національной гвардіи. Этими войсками командовалъ генералъ Леконтъ; не встрѣчая сопротивленія, онъ захватилъ нѣсколько пушекъ; жители, группировавшіеся вокругъ солдатъ, оставались нѣкоторое время безучастными зрителями, но тогда прибывала изъ предмѣстевъ и все увеличивалась; народный гнѣвъ возрасталъ, слышались проклятія; рабочіе подталкивали солдатъ, эти послѣдніе колебались, потомъ вдругъ картина измѣнилась: солдаты и рабочіе смѣшались въ одной братской толпѣ, никто не слушалъ приказанія начальства, и разъяренная толпа схватила генерала Леконта, который, приказавъ стрѣлять, однимъ жестомъ готовилъ смерть сотнямъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Провожая генерала Леконта въ казармы на улицѣ Розье, разъяренная толпа встрѣтила стараго генерала Клемента Тома; его узнали, кто-то крикнулъ: «Это тотъ самый, который разстрѣлялъ въ 48-омъ году сотни рабочихъ!»—и этотъ крикъ явился его смертнымъ приговоромъ; Клемента Тома тотчасъ же схватили, приставили къ стѣнѣ и разстрѣляли вмѣстѣ съ Леконтомъ.

Были ли они разстрѣляны Коммунарами? Коммуна, какъ таковая, тогда еще не существовала, и нецѣло обвинять ее за поступки раздраженной толпы, дѣйствовавшей только подъ вліяніемъ возбужденія.

Коммуны, какъ я сказалъ, еще не было; официальное правительство хотя и существовало, но не находилось болѣе въ Парижѣ, потому что при первыхъ слухахъ о сопротивленіи народа войскамъ, направленнымъ для его разоруженія, Тьеръ и власти бѣжали въ Версаль. 18-го марта всѣ законныя власти покинули Парижъ, а вмѣстѣ съ ними и буржуазные республиканцы; вѣрные своимъ старымъ привычкамъ, они перешли на ту сторону, которую считали болѣе сильной.

Во главѣ возстанія стояли почти исключительно, мелкая буржуазія, демократы или безсознательные социалисты; начальники національной гвардіи образовали центральный комитетъ. У Тьера, который находился въ Версалѣ, не было войскъ, такъ какъ они были распущены и ему оставалось только выиграть время. И вотъ тогда разыгралась позорная комедія, на деталяхъ которой слѣдуетъ остановиться подробно.

19-го марта близкій другъ Тьера Сень-Маркъ де-Жирарденъ говорилъ: «Я видѣлъ Тьера, я не знаю, что онъ рѣшилъ, но его рѣшеніе непреклонно». То, что думалъ Тьеръ, узнали послѣ; дѣло шло о разстрѣлѣ коммунаровъ, но для этого нужно было собрать войска и выиграть время. Онъ предложилъ мѣрамъ и депутатамъ Парижа вступить въ переговоры съ народомъ.

24-го марта Тьеръ писалъ адмиралу Сессе: «Мэры Парижа обладаютъ властью, предоставьте имъ дѣлать то, что они считаютъ нужнымъ».

25-го марта мэры Парижа, съ согласія Центрального Комитета, назначили на 26-е марта выборы, которые состоялись, — на это слѣдуетъ обратить вниманіе, — при молчаливомъ согласіи Тьера.

Выборы Коммуны.

Въ выборахъ 26-го марта принимали участіе до 250.000 избирателей, и это обстоятельство служить лучшимъ доказательствомъ того, что Коммуна не является результатомъ дѣятельности небольшой группы мятежниковъ. Вотирующихъ за Коммуну было столько же, сколько во время знаменитыхъ выборовъ генерала Буланже въ 1884 году.

Среди избранныхъ въ Коммуну находились люди дурные и хорошие, много неопытныхъ и совершенно неизвестныхъ; на ряду съ старыми республиканцами, какъ, напримѣръ, Домеклюзь, и убѣжденными социалистами, какъ Бенуа Малонъ, мы видимъ людей безпартійныхъ, какъ Риго, который, по крайней мѣрѣ, реабилитировалъ себя, честно умеревъ за то дѣло, которое онъ исполнялъ.

Дни надежды.

27-го марта Коммуна была провозглашена на площади Отель-де-Вилль^{*)}; этотъ незабвенный день былъ днемъ великой радости. Элизе Реклю, на глазахъ котораго происходили эти событія, говорилъ мнѣ: „Во время кровавой недѣли я видѣлъ самыя ужасныя вещи, но, посмотря на кровь, грязь, убійства, я не могу забыть этихъ свѣтлыхъ дней, — наканунѣ великой революціи, — которые стоили жизни только двумъ человѣкамъ“.

По поводу 27-го марта Жюль Валле писалъ слѣдующее:

«Какой великій день!

Тихое ясное солнце золотитъ жерла пушекъ, всюду благоуханіе цвѣтовъ, развѣвающихся знамена; слышится гулъ революціонной толпы, когда она, воодушевленная великой идеей, спокойно и величаво движется, подобно голубой рѣкѣ, полыхаясь, сияя, сверкая мѣдными трубами, — вотъ зрѣлище, которое наполняетъ гордостью и радостью сердца славной республиканской арміи.

«О великій Парижъ!

«Жалкіе трусы, мы хотѣли уже удалиться, считая тебя умершимъ!

«Прости насъ.

«Пусть мы будемъ еще разъ побѣждены и завтра умремъ, но наше поколѣніе будетъ счастливо! — Мы будемъ вознаграждены за двадцать лѣтъ неудачъ и страданій.

«Трубите въ трубы, бейте въ барабаны!

«Приди, товарищъ, въ мои объятія, у тебя, какъ и у меня, сѣдая голова! И ты, мальчишка, играющій позади баррикады, ириди ко мнѣ!

«18-е марта спасло тебя, гамэнъ! Тебѣ пришлось бы, какъ и намъ, расти въ сырости, утонуть въ грязи, обливаясь кровью, умирая отъ голода и стыда, неся неизгладимую печаль.

«Все это кончилось!

«Мы проливали кровь и слезы за тебя. Ты воспользуешься нашимъ наслѣдствомъ. Дети отчаянія, ты будешь свободный человѣкъ!»

Министры Коммуны.

Но вотъ празднество кончилось, нужно припнжаться за работу, создать новое правительство! Гдѣ найти министровъ? Тьеръ находится въ Версаль. Старые республиканцы 48 года, радикалы, прогрессисты, — всѣ вышли изъ Парижа, правительство могло быть сформировано только изъ пролетаріевъ или мелкой буржуазіи; нужно признаться, что одни не обладали необходимыми способностями или имѣли сомнительную нравственность, другіе, наоборотъ, отличались большими способностями и безукоризненной честностью.

Такъ, министромъ, или, вѣрнѣе, делегатомъ Почты и Телеграфа былъ выбранъ Тейсъ, рабочий-рѣзчикъ; онъ организовалъ дѣло такъ удачно, что правленіе Коммуны удержало всѣ нововведенія, которыя онъ сдѣлалъ. При монетномъ дворѣ находился нашъ старый товарищъ Камеллиа, рабочий-бронзовщикъ, реформы котораго оказались чрезвычайнымъ практичными.

Дѣла благотворительности были поручены другому рабочему — Трейяру, который два мѣсяца спустя, во время паденія Коммуны, былъ разстрѣлянъ версальцами. Передъ смертью онъ передалъ своей женѣ 38.000 франковъ, оставшихся въ вѣренной ему кассѣ; и вотъ его вдова, одѣвъ въ первый разъ свой траурный нарядъ, принесла эти деньги офицеру, который разстрѣлялъ ее мужа. Вспоминая этотъ случай, не въ правъ ли мы крикнуть: «Шапки долой, охранители порядка!»

Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія дѣло обстояло нѣсколько иначе. 19 марта одинъ честный башмачникъ, найдя открытой дверь кабинета министра, расположился тамъ самовольно.

Жюль Валле рассказываетъ, какъ, войдя въ министерство, онъ увидалъ нашего башмачника за работой, лексикаторы съ большими серебряными цѣпами на шеѣ помогали ему. Министръ, увидавъ Валле, сказалъ одному изъ нихъ: «послушай, товарищъ, сходи-ка въ колбасную, напротивъ, да купи на 6 су свиной головы, мы позавтракаемъ съ моимъ другомъ Валле».

Когда была учреждена Коммуна, то выбрали болѣе подходящаго делегата, а для постановки образованія правительства выработано было законченную и совершенную программу, которая, однако, по недостатку времени осталась невыполненной.

Финансы Коммуны.

Теперь я хочу поговорить о министерствахъ финансовъ и военномъ. Какъ собственники банка, коммунары имѣли въ своемъ распоряженіи два милліона франковъ (1 милліонъ 200 тысячъ руб.) и

^{*)} Здѣшній, бывшій казначейство королевской казны.

которых 800 миллионъ въ видѣ звонкой монеты, остальное въ цѣнныхъ бумагахъ и торговыхъ векселяхъ. На эти деньги они могли вести борьбу съ версальцами. Но эти, такъ называемые, разбойники, бандиты, воры довольствовались переговорами съ банкомъ Франціи, даже не входя туда.

Кроткій Варленъ и честный Журдъ, делегаты министерства финансовъ, наивно обратились къ Ротшильду съ просьбой дать 1 миллионъ франковъ (400 тысячъ рублей), чтобы уплатить жалованіе солдатамъ національной гвардіи. Ротшильдъ отвѣтилъ имъ: «Одинъ миллионъ, два миллиона, три миллиона—сколько хотите, только не трогайте банка». Когда же на слѣдующій день три делегата явились въ банкъ, чтобы взять часть фондовыхъ денегъ, директоръ г. Руланъ сказалъ имъ:

— Я ждалъ васъ. Банкъ послѣ всякаго сверженія стараго правительства долженъ явиться на помощь новому. Я не берусь судить событія, французскій банкъ не занимается политикой; въ настоящее время вы являетесь правительствомъ. Благоволите только отмѣтить при полученіи, что эта сумма взята за счетъ города».

Въ теченіе всего трехмѣсячнаго существованія Коммуна израсходовала 46 миллионъ. Изъ этихъ денегъ 16 миллионъ были добыты изъ банка, остальные изъ общественныхъ учреждений; акцизные сборы принесли до 12 миллионъ. Когда Карлена нашли убитымъ на улицахъ Парижа, его обыскали и нашли только чекъ на 300 франкъ, которые онъ долженъ былъ получить, какъ жалованіе члена Коммуны. Что касается Журда, то извѣстно, что онъ обѣдалъ въ дешевомъ ресторанѣ, его сынъ учился въ бесплатной школѣ, а жена сама стирала бѣлье въ городской общественной прачечной.

О ш и б к и.

Поговоримъ теперь о делегатахъ военнаго вѣдомства. Нужно признаться, что никогда еще защита города не велась такими неопытными людьми. Среди генераловъ Коммуны, на ряду съ нѣкоторыми умершими героями, было много жалкихъ и трусливыхъ вояковъ, которые пьянствовали въ то время, когда другіе шли на смерть.

Реклю рассказывалъ мнѣ, что въ первые дни Коммуны нѣсколько баталіоновъ, подъ предводительствомъ Дювала, должны были завладѣть площадью Шатийонъ. Федералисты стояли на площади Отель-де-Вилль, дрожа отъ холода подъ проливнымъ дождемъ, а изъ оконъ слышались звуки пѣсни, распѣваемой во все горло офицерами:

«Выпьемъ, выпьемъ, выпьемъ за мировую свободу».

Генераль Дюваль былъ одинъ изъ тѣхъ, которые умерли съ честью. Во время первой стычки онъ былъ арестованъ и на вопросъ Винуа: «Что вы сдѣлали бы со мной, если бы я былъ на вашемъ мѣстѣ?» — отвѣтилъ: «Я приказалъ бы васъ разстрѣлять». — «Вы пропсали свой приговоръ», — замѣтилъ Винуа, и генераль Дюваль былъ разстрѣлянъ. Реклю рассказывалъ мнѣ, что пѣвники, которыхъ отправляли въ Версаль, какъ каторжанъ, со связанными па-

зодъ руками, должны были проходить передъ офицерами и знатными дамами, которые издѣвались надъ ними и били ихъ своими зонтиками.

Агонія Парижа.

Въ теченіе недѣли — «кровавой недѣли», когда происходила агонія Парижа, всѣ, кто имѣлъ на ногахъ раны, на плечахъ сипяки и ушибы отъ ружейныхъ прикладовъ, на рукахъ слѣды пороха, были безопасно разстрѣланы.

Клеветники упрекаютъ Коммуну въ убійствахъ заложниковъ, но все это происходило уже послѣ паденія правительства Коммуны. Но они умалчиваютъ о томъ, что парижанъ загнали въ ловушку, какъ дикихъ звѣрей, и что если Парижъ позволилъ разстрѣлять нѣсколькихъ версальцевъ, то это было только отвѣтъ на репрессіи. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Версальское правительство хотѣло раздавить Парижъ, но оно не смѣло дѣлать это, а окружало городъ медленно, но вѣрно желѣзнымъ и огненнымъ кольцомъ, которое все болѣе и болѣе суживалось. Итакъ, подобно хищнику, который, расправивъ когти, бросается на добычу, войска версальцевъ приближались, захватывая одинъ фортъ за другимъ. Вѣсть о появленіи въ городѣ „красныхъ панталонъ“ (какъ называли версальцевъ) распространилась въ то время, когда горожане мирно присутствовали на народномъ праздникѣ и когда, благодаря предательству, были открыты ворота.

З а щ и т а.

Итакъ, съ появленіемъ врага среди городскихъ слѣтъ, парижскій рабочій почувствовалъ, что, сражаясь на баррикадахъ, онъ защищаетъ свой домъ, свою жену, своихъ дѣтей; это была битва на мостовой, это было упорное сопротивленіе людей, которымъ нечего терять. На ряду съ сильными мужьями сражались ихъ неустрашимыя жены, тамъ и сямъ виднѣлись сѣдые бороды инсургентовъ 48 года: дѣти также бросались въ толпу взрослыхъ и геройски дрались. По вычисленію Максима дю-Кама, число дѣтей, убитыхъ во время Коммуны, выражается слѣдующими цифрами:

237	дѣтей въ возрастѣ до 16 лѣтъ.
230	„ „ „ „ 14 „ „
47	„ „ „ „ 13 „ „
21	„ „ „ „ 12 „ „
11	„ „ „ „ 11 „ „
4	„ „ „ „ 10 „ „
1	„ „ „ „ 8 „ „
1	„ „ „ „ 7 „ „

Тотъ же самый писатель вычислилъ, что въ возстаніи участвовало отъ 12 до 13 тысячъ дѣтей, и они вносили столько дѣятельности и храбрости, что версальцамъ приходилось бороться съ удвоенной энергіей.

Были также женщины, умравшія съ оружіемъ въ рукахъ; зна-

ментный батальонъ парижанокъ на площади Бланшъ состоялъ изъ 120 вооруженныхъ женщинъ, на площади Бастили ихъ осталось только 50. Эти женщины, съ цвѣтами бѣлыхъ лилій за корсажемъ, дрались, какъ фурии, по цѣлымъ днямъ, мстя за братьевъ, мужей, жениховъ, и на улицахъ Парижа, въ водосгочныхъ калашахъ, красныхъ отъ крови, видѣлись тѣла въ юбкахъ, съ длинными волосами, сраженныя пулями версальцевъ.

Эти героини боролись до послѣдняго дня, получая свою долю патроновъ, и только одинъ Максимъ дю-Камъ, какъ шакаль, осмѣлился совершить гнусное дѣло: онъ оклеветалъ этихъ женщинъ, назвавъ ихъ проститутками, а дѣтей—порочными мальчишками, съменемъ бандитовъ и, по его мнѣнью, версальцы сдѣлали доброе дѣло, уничтоживъ ихъ.

Это была низкая клевета. Да, конечно, среди этихъ борцовъ, на ряду съ честными, были развратныя женщины. Допустимъ даже, что всѣ онѣ были проститутками, всѣ эти дѣти—мальчишки, испорченные тюрьмой; но не будетъ ли это обстоятельство служить лучшимъ обвиненіемъ противъ капиталистическаго режима, который допускаетъ одно и то же тѣло служить какъ для наслажденій, такъ и въ качествѣ пушечнаго мяса? Эти женщины бросили свое презрѣніе въ лицо обществу, которое довело ихъ до нищеты и стыда!

Коммуна постановила разстрѣливать трехъ заложниковъ всякій разъ когда въ Версалѣ будетъ разстрѣлянъ одинъ коммунаръ; поэтому арестовали жандармовъ, священниковъ, одного епископа и др. Коммуна обратилась къ Тьеру съ предложеніемъ выдать единственнаго плѣнника Бланши, который былъ въ то время уже старикомъ и не могъ оказывать вліянія на ходъ возстанія, взаменъ она предложила 60 заложниковъ и обѣщала не производить больше арестовъ.

Тьеръ, въ рукахъ котораго находилась жизнь 60 заложниковъ, считая въ томъ числѣ и архиепископа, отвѣтилъ на это предложеніе рѣшительнымъ отказомъ.

Коммуна ни разу не привела въ исполненіе свое рѣшеніе разстрѣливать заложниковъ, когда они были разстрѣляны, Парижъ уже былъ раздавленъ, оставшись безъ руководителей, Коммуны уже не существовало. Одинъ изъ ея членовъ, Варленъ, едва не былъ растерзанъ толпой только потому, что онъ возсталъ противъ разстрѣловъ, умоляя народъ не бросать этого пятна на Коммуну.

Кого же винить въ смерти парижскаго архиепископа и 60 членовъ заложниковъ,—Тьера или Коммуну? Выпавать ли Тьеръ, который могъ ихъ спасти, или Коммуна, отказавшаяся предать ихъ смерти? (Въ залѣ нѣсколько голосовъ отвѣчаютъ «Тьеръ!»).

Если бы даже Коммуна привела свой декретъ въ исполненіе, она поступила бы такъ, какъ дѣлается во время всякой войны, она поступила бы только сообразно съ обстоятельствами. И мы имѣемъ право съ гордостью заявить, что съ 18-го марта до конца мая, за все время существованія правительства Коммуны, было произнесено нѣсколько смертныхъ приговоровъ Росселемъ, бывшимъ офицеромъ, а Коммуна отказалась выполнить хотя бы одинъ изъ нихъ.

Показанія противниковъ.

Дрюмонъ, клерикалъ, директоръ газеты «Libre Papele», сравнивая революцію 93 года съ Коммуной, говоритъ, что революція становится менѣе кровавой, когда въ ней участвуютъ рабоче. Онъ пишетъ по поводу Коммуны: «Особенно жестоко проявила себя буржуазія, народъ же среди этого ужаснаго кризиса оказался наиболѣе гуманнымъ».

Прибавимъ еще, что большая часть рабочихъ, которые занимали въ Коммунѣ первыя мѣста, были люди въ высшей степени благородные и съ большимъ достоинствомъ возвратились къ своимъ занятіямъ. Многие изъ этихъ людей, въ рукахъ которыхъ находился весь Парижъ, спокойно и просто взялись снова за свое ремесло».

Р е п р е с с и и.

Когда версальцы вступили въ Парижъ, они устроили настоящую бойню, самую ужасную въ 19 вѣкѣ. Историки Коммуны говорятъ, что 30 или 40 тысячъ были разстрѣляны. Макъ-Магонъ опредѣляетъ это число въ 15000, генераль Анпертъ—много больше. Кладбища были переполнены, тѣла складывали въ кучи на свободныхъ участкахъ земли, бросали въ рѣку, нагромождали въ пустыхъ каменоломни.

Армія захватила 40000 плѣнниковъ; изъ нихъ 28000 подверглись изгнанію. Въ нѣкоторыхъ ремеслахъ число погибшихъ при репрессіяхъ достигло колоссальныхъ размѣровъ. Среди столяровъ, выполнявшихъ работы изъ краснаго дерева, оно равнялось 24%, у портныхъ 30%, у ткачей 40%.

Бѣднѣйшія мастерскія пострадали менѣе всѣхъ, такъ какъ у нихъ сопротивленіе было особенно.

Итакъ, мы видѣли съ одной стороны 60 заложниковъ, лишенныхъ жизни независимо отъ Коммуны, съ другой—30000 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, разстрѣлянныхъ безъ пощады. И эти убійцы считаютъ насъ преступниками.

Это все равно, если бы какой-нибудь преступникъ началъ проклипать трупъ своей жертвы за нѣсколько царапинъ, полученныхъ во время совершения этого преступленія.

Побѣдители Коммуны.

Дрюмонъ даетъ слѣдующую характеристику вожаковъ консервативной партіи, которая боролась противъ Коммуны.

«Исторія долго будетъ помнить репрессіи по отношенію къ Коммунѣ, потому что онѣ даютъ цѣльное показаніе духовнаго банкротства и полнаго отсутствія здраваго смысла у вожаковъ консервативной партіи; они не понимали назначенія государства и не обладали ни энергіей, ни справедливостью, ни жалостью; они бѣгутъ, какъ трусы, или разстрѣливаютъ людей, какъ звѣри, не отдавая себѣ отчета, почему они убиваютъ то или другое. Транспортъ плѣнныхъ переносился

винных по желѣзной дорогѣ, чтобы уменьшить расходы и ускорить доставку, заставляют вспомнить сцены изъ временъ варваровъ, передвиженіе плѣнныхъ кимвровъ и тевтоновъ, описанное Теофиломъ Готье и Пюлемъ Сент-Викторъ.

Поджоги Парижа.

Я не задаюсь цѣлью въ нѣсколькихъ бѣглыхъ чертахъ парисовать всю исторію Коммуны, но я хочу еще остановиться на нѣкоторыхъ обвиненіяхъ, до сихъ поръ бросаемыхъ въ лицо коммунарамъ.

Поговоримъ сначала о пожарахъ. Когда версальцы проливали потоки крови на улицахъ Парижа, въ различныхъ частяхъ города всенхнули пожары горѣли Пале-Рояль, Отель-де-Вилль, Тюльери!

Европа неоднократно задавала вопросъ почему произошли пожары? Вѣроятно, на этотъ вопросъ никогда не удастся дать вполне удовлетворительный отвѣтъ. Извѣстно лишь то, что въ теченіе ужасной недѣли на улицахъ Парижа появились правительственные агенты; въ мѣстахъ пожаровъ видали подобныхъ господъ, которые одинаково извѣстны и въ нашей странѣ.

Ихъ находили также въ толпѣ при совершеніи казни. Вотъ характерный разговоръ между Кальманомъ и Оливье-де-Валтвилль, который хотѣлъ арестовать одного изъ такихъ подозрительныхъ субъектовъ.

— Это нашъ агентъ, освободите его!

— Но онъ разстрѣлялъ 14 національныхъ гвардейцевъ, бѣжавшихъ изъ Коммуны.

— Это для того, чтобы лучше скрыть свои слѣды!

Не правда ли, это весьма утѣшительно для семействъ погбшихъ коммунаровъ! Для нихъ существуетъ еще другое утѣшеніе: человекъ, который разстрѣлялъ невинныхъ только для того, чтобы скрыть свое ремесло шпиона, былъ награжденъ орденомъ Почетнаго Легиона и его имя красовалось въ спискѣ на ряду съ именами солдатъ и офицеровъ, получившихъ этотъ крестъ за отличіе на полѣ битвы.

Я совсѣмъ не думаю отрицать, что многія зданія были подожжены сторонниками Коммуны; всѣ знали въ это время о запискѣ за подписью Феррѣ, на которой значилось: «Поджигайте министерство финансовъ» *).

Но, оценивая это печальное явленіе, не слѣдуетъ забывать, что виновникомъ этой ужасной драмы явилась экзальтированная толпа, загипнотизированная воспоминаніями о бывшихъ событіяхъ. Жюль Симонъ во время осады, обѣдая совершенно спокойно съ Теномъ въ ресторанѣ, писалъ: «Будемъ бороться до смерти, и, если явится необходимость, сожжемъ Парижъ, какъ это было въ Москвѣ, но не дадимъ его пруссакамъ!» Кто знаетъ, быть-можетъ, эти слова и послужили искрой.

Сожжемъ Парижъ! Когда во имя патриотизма призываютъ къ такимъ дѣйствіямъ, это считается героизмомъ, но когда къ нимъ зовутъ «сволочъ», защищая республику, то этотъ поступокъ называется уже негероическимъ и великимъ, а преступнымъ и чудовищнымъ.

Вы просто фарисеи, если считаете себя патриотами-героями, поджигая свой городъ, чтобы не допустить въ него враговъ, и видите въ этомъ актѣ преступленіе, когда онъ совершается народомъ при столкновеніяхъ съ врагами республики.

Колоніальныя арміи поступали еще хуже, чѣмъ парижская толпа; въ Китаѣ онѣ грабили, разрушали, жгли, разстрѣливали и насильничали съ разрѣшенія своего начальства и съ согласія администрации.

И эти вандалы, эти грабители смѣютъ возмущаться поджогамъ Парижа во время Коммуны.

Программа Коммуны.

Взглянемъ хладнокровно на событія. Однажды въ палатѣ депутатовъ Шоллеръ прочелъ программу Коммуны, надѣясь устроить присутствующихъ.

Во время этого чтенія, по мѣрѣ того, какъ программа все болѣе и болѣе выяснялась, въ собраніи происходило странное явленіе. Депутаты правой начали переглядываться между собой, ихъ физиономіи изображали глубокое изумленіе: «но, вѣдь, это просто программа социалистовъ и даже программа прогрессистовъ!», — думали они.

Программа Коммуны провозглашаетъ автономію Коммуны, отдѣленіе церкви отъ государства, государственную защиту и передачу брошенныхъ мастерскихъ, реорганизацию благотворительности и т. д. и т. д.

Одинъ депутатъ правой, рассказывая мнѣ послѣ засѣданія о своемъ товарищѣ, который читалъ программу Коммуны, сказалъ: «Этотъ Шоллеръ сумасшедшій! За какимъ чортомъ прочелъ онъ это! На что понадобилось опубликовывать такую плохую и умѣренную программу?».

Правительство Коммуны состояло изъ социалистическаго меньшинства и якобинскаго большинства стараго типа. Оно было исполнено благихъ намѣреній, его декреты были безукоризненны, но тѣ, которые должны были провести ихъ въ жизнь, часто были людьми совершенно неспособными.

В ы в о д ъ.

Этотъ историческій опытъ дастъ намъ важный урокъ. Предположите, что въ Шарлеруа въ 1886 году восторжествовали возставшіе, что рабочій классъ, почти неорганизованный, не имѣя руководителей, добился побѣды. Вполнѣ ясно, что безъ достаточнаго развитія, необходимаго для того, чтобы воспользоваться побѣдой, этотъ плебсъ послѣ своей кратковременной побѣды будетъ скоро раздавленъ.

Значитъ, вамъ, товарищи, нужно организовать для будущей борьбы.

*) Эта записка, по послѣднимъ изслѣдованіямъ, оказалась провокаторскимъ приѣмомъ, употребленнымъ однимъ изъ версальскихъ агентовъ. (Примѣчаніе переводчика)

Соціализмъ долженъ произвести революцію не только въ области экономической, но и въ области интеллекта и нравственности.

Торжественно этой болѣе или менѣ близкой революціи записатьъ вашу энергию, настойчивости, отъ вашего тѣснаго союза съ пролетаріями всѣхъ странъ.

Безъ сомнѣнія, прежде чѣмъ будетъ достигнута побѣда, вамъ придется испытать неудачи, но исторія прошлаго показываетъ намъ, что пораженія класса, борющагося за свое освобожденіе, лишь временны.

Въ тотъ самый день, когда Коммуна закончила свое существованіе,—последній день кровавой недѣли,—была Троица, католическій праздникъ, и праздникъ версальскаго правительства.

Умеръ звѣрь, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и опасность.

Думали, что социализмъ сраженъ на смерть, и дѣйствительно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ казался подавленнымъ не столько благодаря пораженіямъ, сколько разпогласіямъ. Последніе конгрессы Интернационала представляли печальную картину разпогласій между людьми, говорящими на разныхъ языкахъ и не старающимися понять другъ друга.

Красная Троица.

Мы также имѣемъ свой Троицынъ день. Черезъ 50 дней послѣ смерти Христа, по словамъ святаго писанія, апостолы получили даръ слова и заговорили на всѣхъ языкахъ, чтобы распространить радостную вѣсть.

Интернаціоналъ повторилъ это чудо. Двадцать различныхъ народовъ сошлись на этомъ конгрессѣ, явившись изъ всѣхъ странъ, начиная со стѣнъ Россіи и кончая предѣлами западной Америки.

Всѣ, однако, пришли къ общему заключенію и рѣшили послѣ дня погребенія Коммуны праздновать ближайшее 1-е мая, эту свѣтлую Пасху обновленія человечества.

Декларация, обращенная къ французскому народу.

(19 апрѣля 1871 года).

Въ виду печальнаго и ужаснаго конфликта, который снова подвергаетъ Парижъ ужасамъ осады и бомбардировки и несетъ погибель отъ ядеръ и минометовъ нашимъ братьямъ, женамъ и дѣтямъ, необходимо, чтобы общественное мнѣніе было единодушно и народная совѣсть была спокойна.

Необходимо, чтобы Парижъ и вся страна знала причины и цѣль совершающейся революціи. Наконецъ, необходимо, чтобы ответственность за сиротъ, несчастія и страданія, свалившіяся на насъ, пала на тѣхъ, кто, измѣнивъ Францію и отдавъ Парижъ врагу, съ слѣпыми и жестокими урячествомъ рѣшилъ уничтожить столицу, чтобы въ развалинахъ республики и свободы скрыть этихъ свѣдѣтелей его измѣны и преступленія.

Коммуна лишь отражаетъ и приводитъ въ исполненіе рѣшенія гарижскаго населенія; она хочетъ разъяснить истинный характеръ движенія 18 марта, непонятаго, неизвѣстнаго и извращаемаго политикомъ, засѣдающими въ Версалѣ.

Еще разъ Парижъ трудится и страдаетъ за всю Францію, подготавливая своими битвами и жертвами ея умственное, нравственное, административное и экономическое возрожденіе, славу и благоденствіе.

Чего требуетъ Парижъ?

Признанія и укрѣпленія республики, единственной формы правленія, совмѣстимой съ правами народа и правильнымъ и свободнымъ развитіемъ общества; полной автономіи общины во всей Франціи и обезпеченія каждой изъ нихъ полныхъ правъ, а каждому французскому гражданину возможности примѣнять всѣ свои способности и свои силы, какъ члену общины, гражданина и работника.

Автономія общины ограничивается лишь правомъ на такую же автономію другихъ общинъ, связанныхъ договоромъ; союзъ ихъ обезпечиваетъ единство Франціи.

Права Коммуны таковы:

Утвержденіе общиннаго бюджета, доходовъ и расходовъ; опредѣленіе и распределеніе налоговъ; управленіе мѣстными работами; организація судопроизводства, полиціи и образованія; управленіе имуществомъ, принадлежащимъ общинѣ.

Выборъ посредствомъ голосованія или конкурса судей и всякаго рода общинныхъ чиновниковъ, ответственныхъ и постоянно контролируемыхъ и смѣняемыхъ.

Прочная гарантія свободы личности, свободы совѣсти и труда.

Постоянное вниманіе гражданъ въ общинныхъ дѣлахъ при помощи свободнаго заявленія своихъ мнѣній, свободной защиты своихъ интересовъ; гарантія этихъ заявленій общиной—одна способна ограждать и обезпечить свободу собраний и печати.

Организація городской милиціи и національной гвардіи, которыя выбирать своихъ начальниковъ и поддерживаютъ порядокъ въ городѣ.

Парижъ хочетъ только примѣнить на мѣстахъ тѣ же самыя принципы, конечно, при условіи имѣть въ центральномъ управленіи представителей отъ федеративныхъ общинъ.

Но въ силу своей автономіи и свободы дѣйствій Парижъ оставляетъ за собой право по своему усмотрѣнію примѣнять тѣ административныя и экономическія реформы, которыхъ потребуетъ его населеніе, открывать учрежденія, способныя развивать и распространять образованіе, производство, общіе и кредитъ; дѣлать общинныя заимущества, сообразно съ требованіемъ момента, заявленіемъ заинтересованныхъ лицъ и данными опыта.

Наши враги ошибаются или обманываютъ страну, когда обвиняютъ Парижъ въ томъ, что онъ хочетъ управлять остальной частью націи и установитъ диктатуру, которая явится настоящимъ покушеніемъ на независимость и верховную власть остальныхъ общинъ.

Они ошибаются или обманываютъ страну, когда обвиняють Парижъ въ томъ, что онъ стремится къ уничтоженію единства Франціи, созданнаго революціей при одобреніи нашихъ отцовъ, явившихся на праздники федераціи изъ всѣхъ уголковъ старой Франціи. Единство, которое до сихъ поръ давали намъ имперія, монархія и парламентъ, представляетъ деспотическую, неразумную, произвольную и тяжелую централизацию.

Политическое единство, котораго хочетъ Парижъ, представляетъ свободный союзъ всѣхъ мѣстныхъ желаній, свободное и добровольное соревнованіе всѣхъ членовъ съ цѣлью достигнуть благосостоянія, свободы и безопасности для всѣхъ.

Коммунальная революція, начавшаяся по инициативѣ народа 18 марта, открываетъ новую эру въ области опытной, положительной и научной политики.

Она представляетъ конецъ стараго клерикальнаго и правительственнаго строя, милитаризма, бюрократіи, эксплуатаціи, ажіотажа, монополий, привилегій, которыя обуславливаютъ рабство пролетариата, несчастія и бѣдствія отечества.

Пусть же успокоится наша дорогая и великая родина, обманутая лежцами и клеветниками.

Начавшаяся между Парижемъ и Версалемъ борьба не можетъ закончиться временнымъ примиреніемъ: выходъ изъ нея только одинъ. Побѣда, благодаря неослабѣвающей энергіи національной гвардіи, останется на сторонѣ разума и справедливости.

Мы обращаемся ко всей Франціи.

Знайте, что вооруженный Парижъ такъ же спокоенъ, какъ и храбръ; онъ поддержитъ порядокъ съ энергіей, съ воодушевленіемъ; онъ пожертвуетъ собой вполне сознательно; онъ вооружился лишь для борьбы за общую свободу и славу, для того, чтобы Франція могла кончить эту кровавую ссору.

Франція должна обезоружить версальцевъ, торжественно заявивъ о своей непреклонной волѣ.

Она должна воспользоваться нашей побѣдой, и поэтому ей необходимо заявить, что она солидарна съ нами, что она будетъ помогать намъ въ этой борьбѣ, которая должна кончиться торжествомъ нашей идеи или разрушеніемъ Парижа.

Что касается насъ, гражданъ Парижа, то мы поставили своей цѣлью совершить новую революцію, самую большую и полезную изъ всѣхъ, извѣстныхъ въ исторіи.

Наша обязанность бороться и побѣдить!